



НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ГЛАДИАТОР ПОНЕВОЛЕ



МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Гладиатор поневоле / Евгений Щепетнов. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. —
(Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-092346-5

Школьный учитель Вячеслав с детства мечтал встретиться с инопланетянами, которые доставят его на свою планету, где гораздо интереснее и комфортнее жить, нежели на старушке Земле. Мечтам свойственно сбываться. Вячеслава похитил НЛО и доставил его на планету, где высокие технологии запросто уживались с варварскими развлечениями. Отныне бывшему учителю придется выживать на арене, по сравнению с которой древнеримский Колизей — это песочница для малышей...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092346-5

© Щепетнов Е.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

Удар! Еще удар!

«Где у этого чертова маркума мозг? Надо вспомнить! Один, маленький, в голове, другой возле позвоночника, на спине! Оп! Кувырок, отбил — чуть не снес голову, скотина двухметровая. Хорошо хоть скорость у него не такая, как у меня... Подкат! Ага! Без одной ноги-то не побегаешь, да?! Славно я ему колено разрубил! Теперь зайти со спины...»

Слава прыгает навстречу противнику, и кривой клинок, похожий на серп, вонзается в позвоночник фиолетового чудовища. Тот замирает на секунду, а потом падает на бок, мелко подергиваясь и суча ножищами в сапогах со стальными шипами, именно ими он собирался выпустить кишки человеку.

Устало облокотившись на барьер, Слава посмотрел вокруг — трибуны молчали. Не понравился бой? Он опустил глаза на лежавших на арене монстров — один против трех, это было довольно сложно, не курице голову отрубить... почему эти твари молчат?!

И тут, как будто в ответ на его слова, амфитеатр взорвался криками, ревом и трубными голосами тех, кто наблюдал за боем и делал ставки. Суще-

ства встали с мест и размахивали руками, щупальцами, хоботами и всеми частями тел, которыми можно махать. Одни радовались тому, что он выиграл, и подсчитывали барыши — на него ставили один к двадцати. Другие негодовали и вопили, что их надули, — выставили не обычного гуманоида, а модифицированного. Впрочем, все, как всегда. Всегда есть недовольные проигрышем.

Дверь в стене арены раскрылась, и появились охранники с нацеленными на гладиатора лучеметами. Старший, сняв черный, непрозрачный шлем с острым клиновидным забралом, сказал:

— Давай в казарму. Сегодня ты честно заработал свой ужин. Сейчас тебе прилепят медицинского слизняка, потом в душ, и можешь быть свободен... ну, почти свободен. В пределах казармы. — Он усмехнулся и громко хлопнул по плечу хмурого человека, потом пошел вперед. Он не оглядывался, уверенный в том, что гладиатор последует за ним.

Слава двинулся следом, придерживая правой рукой разрубленную левую. Кровь уже не текла ручейком, как раньше, а только капала на пол частыми красными каплями, отмечая его путь. Эти капли напоминали ему маленькие метки на экране навигатора.

Глава 1

Вячеслав угрюмо тащился домой после родительского собрания. Оно было нудным, глупым, бесполезным и оставило в душе тяжелый след. Все, как всегда, — он распинался по поводу учебы детей, родители изображали интерес, но больше всего ждали, когда эта тягомотина закончится и можно будет пойти домой, всыпать своим неслухам-детям, осуществляя родительский контроль и воспитание, и со спокойной душой открыть бутылку пива или включить любимый сериал о страстях в шахском гареме.

Слава уже давно не смотрел телевизор — там только шум и реклама, реклама, реклама... Иногда он все же заглядывал в этот магический ящик, и тогда ему хотелось врезать по экрану чем-то увесистым. Ну а так как телевизор все-таки стоил денег, он вообще перестал его смотреть. Чем он занимался в свободное от проверки тетрадей время? Сидел дома, мечтал и читал книги. Читать книги было его страстью, особенно он любил научную фантастику. Он вспоминал, как в детстве сидел на скамейке возле дома августовским вечером и мечтал, что его заберут инопланетяне. Он, конечно, научится на их планете всяким премудростям,

вернется таким важным галактическим посланцем — лет эдак через триста, — и весь мир, рукоплеская, будет его встречать. Ну как встречали Гагарина после полета — вся улица в бумаге, все орут. Он иногда думал: а что это за бумага была на улицах? Кто ее кидал-то? Но по его возрасту знать он этого не мог — ему было всего двадцать девять лет.

Как он попал в этот глухой городишко? Да сам напросился — учителем русского языка и литературы, после окончания педагогического института. Ему казалось после множества прочитанных книг (идеалист чертов!), что поехать в глушь, нести, так сказать, слово просвещения забытым властью детям будет очень, очень правильно. И вот он, пертурбуржец в «надцатом» поколении — учитель сельской... хм... ну, не сельской — райцентр все-таки! — школы в глубинке.

Что сказать... эйфория скоро, очень скоро кончилась. Остались серые, заполненные работой будни, редко прерываемые праздниками, когда коллектив школы собирался на «сабантуи» и нормально глушил водку. Потом наступал «вечер любви», как он его называл, и учительницы, коих в школе было практически девяносто девять процентов (не считая его да трудовика, хромого дедка, который не котировался в женской среде), расписывали, кто и когда уединится с молодым, энергичным учителем литературы.

Обычно уединялись почему-то в классе химии — видимо, из-за того, что там были крепкие столы, выдерживающие дебелых охающих и ахающих учительниц. И без разницы, замужем они или нет — в эти вечера все были незамужними. А после наступало отрезвление, и новые «трудовые будни».

Слава чувствовал, как эта пучина его затягивает, но он плыл и плыл по течению, боясь себе признаться в том, что Прометея из него не вышло. Он с тоской вспоминал Петербург и давно бы туда свалил, если бы не упрямство и досада — мать предупреждала его, что он не выдержит и сбежит из этой Тмутаракани через полгода, он, жалкий интеллигент, книжный червь, без ее помощи и защиты не способный ступить ни шагу. Мать была человеком жестким, властолюбивым и своими эскападами добилась лишь одного — он фактически сбежал из дома на свободу. Вот только свобода ли это? Вообще непонятно, как мать его зачала. Вернее, как зачала-то, технически все понятно — а вот с кем? Он не знал отца — мать отказывалась даже говорить о его отце. Но вырос он довольно красивым, рослым парнем, чем-то похожим на мать, только в мужском варианте. Он подозревал, что в ее жизни было не все так просто: работала она переводчицей при туристических группах и моталась с иностранцами — скорее всего от встреч с кем-то из них он и образовался — не от святого же духа? Впрочем, все равно никогда он ничего не узнает о своем отце, наверное. Да и не интересовался он — живет и живет, и за то спасибо судьбе. Мог бы и не жить никогда.

Жены у него не было, девушки тоже. Нечастые развлечения с учительницами кое-как удовлетворяли его тягу к противоположному полу, но он знал, что это ненормально — не иметь постоянной женщины. Но все равно спешил домой, чтобы взять в руки очередную книгу и уйти в иной мир, мир более яркий, более красочный, чем тот, в котором он вырос и жил.

Иногда он подумывал о том, что хорошо бы жениться, завести семью, его время от времени сватали к какой-нибудь женщине — в женском коллективе все почитали за обязанность пристроить неженатика к какой-нибудь бабе. Почему-то это всегда были или разведенки с детьми, или вдовы, тоже с детьми. Он с некоторых пор стал подозревать, что «сводницы» пристраивают к нему своих родственниц или подруг, чтобы отвести от себя опасность. Незамужняя сестра или подруга всегда представляет угрозу — не дай боже мужа уведет... или просто соблазнит. Пусть уж сидит дома у этого недотепы и не рыпается! А что? Мужик завидный — рост сто восемьдесят восемь, блондин с нордическими чертами лица. Ну, немного худоват на местный вкус, зато у него... хм... в общем, части тела соответствуют росту! Выносливый, как все худые. Ручищи вона какие! Как обнимет... аж косточки трещат! А что в очках — дак читает слишком много! А повыкидывать у него книжонки — может, и зрение восстановится. Опять же, говорят, сейчас просто — сделал операцию, вот тебе и зрение восстановилось! Бегает по утрам, не курит, по бабам не таскается... почти. В школе — не в счет, тут все свои, типа по-родственному!

В общем, плыл Слава по течению, и скорее всего оно притащило бы его в мутное болото, если бы... но все по порядку.

Этот вечер отличался от остальных только тем, как уже было упомянуто, что проводилось родительское собрание по результатам первой четверти. Завтра начинались каникулы, и в его сердце гнездилась радость — не надо тащиться в школу, не надо снова и снова слышать шум и визг в ко-

ридорах. А также нытье своих коллег-женщин, их жалобы на несчастную жизнь и их рассказы о том, что они купили в последнее время — какие обновки и нижнее белье. Его раздражало, что бабы совсем уже перестали его стесняться и переодевались прямо при нем — вроде как по-семейному. Или как при неодушевленном предмете.

На улице было тихо, и, хотя наступил конец октября, снега не было, лишь деревья раскачивались под ночным ветром, размахивая голыми ветками, сбросившими осеннюю листву.

Слава поежился, поднял воротник. До дома, в котором он жил, идти километра два — это был одноэтажный домик, который администрация райцентра выделила новому учителю несколько лет назад. Преимущества частного дома были очевидны — тихо, спокойно, никаких соседей через стену, значит — никто не кричит, не шумит, не мешает. Но очевидны и неудобства: с частным домом больше хлопот, больше работы — чисти дорожки от снега, плати за газ — отопление котловое. Но вообще-то ему тут нравилось — возле дома огородик, в котором он высаживал разные сорта винограда, любуясь осенью тяжелыми гроздьями. Опять же есть где поставить машину — ее у него пока не было, но когда-нибудь он ее купит... наверное. В Питере-то с парковкой проблемы! И пробки еще... Впрочем, наверное, он себя успокаивал, выискивая преимущества своей растительной жизни. Человек часто обманывает сам себя, на то он и человек...

Когда он подходил к дому, до того оставалось метров пятьдесят, ему показалось, что на улице вдруг потемнело. Слава удивленно похлопал глазами за стеклами очков в недорогой оправе — нет,

точно потемнело. Луна, которая висела в небе в виде тонкого месяца, вдруг как будто перестала светить, заслоненная чем-то, что не пропускало ее лучи. Слава поднял голову и вытаращил глаза, замерев на месте, — над ним висела темная масса, почти не различимая на темном небе. Если бы она не заслонила Луну, он бы даже не смог увидеть, что над ним что-то такое есть. Напоминала эта масса железнодорожную цистерну, бесшумно висевшую в воздухе без всяких видимых причин. Ни вспышек из дюз, ни бегающих огоньков, какие полагаются всякому порядочному НЛО, не было.

Учитель даже не поверил своим глазам и, закрыв их, тряхнул головой. Однако «цистерна» никуда не исчезла, а он вдруг почувствовал сонливость, ноги задрожали, и последней его мыслью было: «Вот гадость! Ну почему это со мной...»

Пробудился, как показалось, от тишины. В мире вообще не бывает полной тишины: в деревне лают собаки, мычат коровы, в городе сплошной фоновый шум, не замечаемый человеком, — машины, трамваи, люди, все шумит, все кричит. А тут уши как будто заложило ватой и звон — дззз... Мозг, отключенный от слуховых раздражителей, пытался таким способом восстановить привычные ощущения, устраивая слуховые галлюцинации.

В глаза бил свет, который шел от потолка — белого, будто это сплошная лампа неоновых цветов. Вячеслав осмотрелся — узкая комнатка, напоминающая пенал, походила на купе поезда. Только без верхней полки. И столика у окна. Собственно, и окон не было. «Полка» с упругой субстанцией, на которой он лежал, гладкий светлый пол, гладкие стены, за которые не цеплялся взгляд, — ничего

такого, что могло бы дать понять, где он находится. Покопался в памяти — НЛЮ! Он увидел НЛЮ и уснул. И теперь он в этой комнате. Внутри заглодело — чего они хотят? Понятно, что его похитили, но с какой целью? С детских времен его понимание инопланетных контактов претерпело огромные изменения — теперь он немного опасался этих «зеленых человечков», ничего хорошего от них не ждал.

Собрался с силами и сел на краю «кушетки» — голова закружилась и сильно захотелось пить. Сколько времени он пребывает в беспомощности? День, месяц? Где он вообще находится? Прижал руку к стене — никакой вибрации. Наверное, он где-то на их базе, — говорили, что у инопланетян базы на Луне. Он не верил, смеялся: что им там делать-то? Если бы прилетели — объявили бы землянам о своем прибытии, и все. Впрочем, а зачем им оповещать аборигенов? Кто им земляне? Еще раз пощупал стену и усмехнулся: с чего он решил, что должна быть какая-то вибрация? Вибрация — свидетельство низкого уровня технологического развития. У высокоточного механизма нет никакой вибрации. Если они сумели сделать такие летающие корабли... какие корабли? Он ругнул себя — опять ушел в мечтания, гадание на кофейной гуще, рассуждения ни о чем! Может, они собирают лучшие умы человечества для каких-то своих целей? Ага. Шашлык из них делать и с уханием пить кровь, между делом бегая на своих тренажерах-машинах!

От этих мыслей ему стало совсем тошно, и Вячеслав рухнул назад, на лежанку, закрыв глаза и провалившись в тяжелый сон.

Следующее пробуждение было похожим, только сконцентрировался он немного побыстрее и первая мысль: «Уснул, как будто провалился! Или газ накачивают, или... гипноизлучатели работают? А что, вполне может быть. А может, это американцы? А что? — воруют людей... Нет, какие американцы! Скорее можно поверить, что бандиты воруют людей для разборки на органы или же правительство — для опытов. Только вот хрен редьки не слаще... Показались бы наконец-то, что ли? Ну что за уроды! Держат в неведении!»

Встал с «полки», пошел к стене — она вызывала ощущение чего-то монолитного. Постучал — звук глухой, — стена, как оказалось, тоже мягкая. Потолок метрах в четырех над головой. Удивился: зачем такой высокий? Помещение действительно похоже на узкий пенал: длина около пяти метров, ширина метра два. Если это камера — куда они справляют нужду? Кстати сказать, его что-то так поджало, как бы не...

Сел на лежанку, почесал голову — никак не мог избавиться от дурной привычки, подхваченной на улице. Мать всегда ругала — вульгарное движение. Для люмпенов. Он злился по этому поводу — сама-то далеко ли ушла? Интеллигенция хренова... переводчица Интуриста. Уже потом он узнал, что частенько переводчицы Интуриста подрабатывали проституцией и частенько стучали в КГБ. Вернее так: и подрабатывали, и стучали — в ранге положенности. Скорее всего его отцом был кто-то из прибалтов или шведов — мать шатенка, а он в кого-то блондин с соломенными волосами и рублеными чертами лица.

Вспомнил о лице, потер его ладонями, выдавив из глаз слезы, будто в надежде, что это все привиделось и дурной сон исчезнет, когда он проснется. Но нет — переполненный мочевой пузырь резко напомнил о том, что это не сон. Хотя, случается, снится, что хочется помочиться... только вот делать это нельзя. Потом скандал будет и насмешки. А может, это и есть тот способ, которым можно выйти из сна? И все равно терпеть уже невозможно — или в штаны, или... Отошел в угол и зажурчал струей, и вдруг, удивившись, дернулся и чуть не обдул башмаки — моча с шипением всасывалась в покрытие пола, не оставляя ни запаха, ни лужицы. Продолжил, помотав головой и с тоской понимая, что влип!

Опять лег на кушетку, закинул руки за голову и закрыл глаза. Что-то беспокоило, какая-то мысль — что-то было неправильно. Вот он сел... глаза потер, слезы выступили, потом... стоп! Как это он потер глаза?! А очки? Где очки? Очков нет! А как же он видит, рассматривает все вокруг? Он с детства полуслепой, в очках ходит! А теперь очков нет?

Вскочил. Сел на «постель». Не поверив, стал рассматривать все вокруг — да, видит чисто. Посмотрел на себя — осмотрел руки, ноги; все по-прежнему, все как было, так и есть. Итак, информации ноль, и информации столько, что голова пухнет. А значит... значит, надо... спа-а-ать... Упал на кровать и отключился.

Звуки. Удар в бок — больно! Вскочил. Сел на постель, тараща глаза, и отшатнулся — перед ним четверорукий... хм... человек? В общем, существо,